

РАВНОДУШИЕ — ТО ЖЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

В свете предвыборной гонки этот эпизод остался почти не замеченным российской прессой и телевидением. Что само по себе тоже очень показательно! Поскольку происшедшее — вовсе не такой уж рядовой случай, чтобы на него просто не обратить внимание, закрыть глаза.

В самом деле, Александр Зиновьев, личность мировой известности, выдающийся русский ученый и писатель, не по своей воле проживший более двадцати лет за рубежом и недавно вернувшийся на Родину, был исключен из списка кандидатов в депутаты Государственной думы. Сообщено об этом было вскользь, мимоходом. Будто бы предоставил недостоверные сведения о доходах за прошлый год. Сам Зиновьев выступил с заявлением, в котором опровергает такое обвинение в свой адрес.

Подробнее об этом и вообще о сегодняшнем положении в России я решил поговорить с Александром Александровичем после распространения им заявления для средств массовой информации.

Виктор Кожемяко. *Итак, произошел эпизод, с вашей точки зрения, очень несправедливый по отношению к вам. Вас, потенциального кандидата в Думу, сняли с выборной кампании. Что вы можете сказать по этому поводу?*

Александр Зиновьев. Я расцениваю этот эпизод как символический. Он касается не только меня как частного лица. Потому что, на мой взгляд, нельзя рассматривать его в отрыве от всего исторического контекста, в котором он произошел.

Если его брать сам по себе, то это пустяк. Ведь поначалу я и не планировал, не собирался стать депутатом Государственной думы. Я к этому не стремился и согласился идти кандидатом в депутаты от Российского общенародного союза только

потому, что симпатизирую этим людям и они очень настойчиво приглашали меня.

В.К. *А в чем, как вы считаете, символичность вашего отвода?*

А.З. Давайте по порядку. Центральная избирательная комиссия отклонила мою кандидатуру. Почему? Поразительно уже то, что в формулировке основания для отклонения, вычеркивая меня из списка кандидатов, они допустили в отношении меня явную несправедливость: якобы я дал ложные показания о моих доходах за 1998 год.

На самом деле я не давал на этот счет никаких данных! И в представленных документах достаточно ясно сообщил о моей ситуации. Ведь до 30 июня 1998 года я жил в Германии, готовил сведения о доходах для немецких финансовых органов, как это там принято. По всем правилам и законам я должен был отчитаться перед финансовыми органами Германии, а не России.

Сейчас я пытаюсь получить справку по налогам от немецких финансовых органов. На это уйдет не одна неделя, а несколько месяцев. Такие сведения даются обычно в том случае, если против человека возбуждено какое-нибудь уголовное дело. Я же лояльный гражданин, никаких преступлений не совершал и не совершаю.

В.К. *И как вы прореагировали, что предприняли?*

А.З. Естественно, я возмутился. Попробовал апеллировать к прессе и подал заявление в Верховный суд. Там рассмотрение состоялось 15 ноября. Верховный суд признал, что основание для исключения меня из списков кандидатов в депутаты Государственной думы было ложным.

Однако Центральная избирательная комиссия представила дело так, будто ими просто была совершена формальная ошибка, и я попал не в ту категорию. В конце концов, Верховный суд все-таки отклонил мой иск, ссылаясь на то, что якобы я не дал нужных документов.

В.К. *С одной стороны, значит, Верховный суд признал необоснованность обвинений против вас. С другой стороны, по*

существо утвердил решение Центральной избирательной комиссии?

А.З. Вот я и считаю этот случай символическим. Не вырываю его из исторического контекста. Произошел развал Советского Союза, разрушение советской системы. Причины этого я называл, называю и буду называть — предательство высшего советского руководства, высшей интеллектуальной элиты, правящей элиты.

Теперешнее решение в отношении меня рассматриваю как продолжение той же политики!

В.К. *Потому что вы рассматриваете себя как представителя, как частицу русского народа?*

А.З. Так случилось, что я символизирую судьбу русского народа в этой ситуации. Поскольку в свое время с первых минут выступил как человек, который говорил о предательстве и предупреждал об угрозе краха. Чтобы теперь говорить истину об этом, я вернулся в Россию, бросив все, что имел на Западе. Вернулся, чтобы разделить судьбу моего народа.

Мне могут возразить: дескать, случай, происшедший со мной, — уникальный, единственный в своем роде, что в отношении других какая-то справедливость осуществляется. Но ведь количественный критерий тут не годится, иногда судьба одного человека является более характеристичной, чем судьба многих десятков и тысяч людей.

Вспомните, когда меня выгоняли из России, во всей советской философии был единственный Зиновьев. Но судьба Зиновьева оказалась характеристичной. Ведь теперь многие признают официально, что в отношении меня была совершенна ошибка, что на самом деле не я был предателем, а они. Это они потом как бы испарились, всячески мимикрировали. Или демонстративно жгли партийные билеты. Это они предатели, а не Зиновьев. С первой минуты появления Горбачева на исторической арене я сказал, что это предатель, что наступает эпоха великого предательства.

В.К. *Вы считаете, предательство продолжается?*

А.З. Да, и теперь воспроизводится та же ситуация в отношении меня. Я возвращался в Россию с какой-то иллюзией ра-

ботать здесь на пользу своего народа, своей страны. Однако сразу на пути встали те же препятствия и со стороны фактически тех же людей, которые участвовали в разгроме нашей страны. Они участвовали в эпидемии предательства и сейчас работают против нашей страны, в пользу ее разрушителей. Вот в чем суть ситуации!

В.К. *А как, на ваш взгляд, эта ситуация связана с политической системой, которая существует сегодня в России?*

А.З. Я утверждал и утверждаю, пока жив, что эта политическая система, которая у нас сложилась, навязана нам искусственно со стороны Запада и со стороны предателей, пятой колонны Запада. Она, эта система, противоречит интересам русского народа!

В.К. *Я знаю, многие считают точно так же. Александр Александрович, вот пришли у нас к власти демократы. И какую же демократию мы получили в итоге — с вашей точки зрения?*

А.З. Видите ли, слово «демократия» неопределенно, оно многосмысленно. Была советская демократия, была и есть западная демократия. Различие очень существенное. Скажем, на уровне политическом советское общество выглядело как тоталитарное, но зато в фундаменте оно было гораздо более демократичным, чем западное общество. Западное общество представляется демократичным на высшем политическом уровне, но абсолютно тоталитарно в основах.

Я для наглядности и сравнения могу это проиллюстрировать таким образом. Не так давно у меня был разговор с одним американским профессором, и суть его заключалась в следующем. В Советском Союзе было невозможно поносить правительство, зато ругать своих директоров, начальников на уровне деловой жизни можно было достаточно свободно. А что на Западе? Американский профессор сказал, что за 75 лет своей жизни он не знает ни одного случая, чтобы в Америке кто-нибудь так или иначе не поносил бы президента. Но он не помнит ни одного случая, чтобы кто-нибудь критиковал своего босса, непосредственного начальника!

Есть некоторая константа заявляемой демократии и некоторая константа реального демократизма. Наши системы были противоположны в этом отношении. Советская демократия разрушена. Считают, что Россия идет по пути западной демократии. Но ведь она не идет даже по этому пути! На самом деле это убудочная смесь того, что осталось от советского периода, и того, что пытаются навязать со стороны Запада. Реальная западная демократия — это всего лишь политическая система: многопартийность, выборность, гласность. Плюс так называемое гражданское общество — имеются в виду провозглашаемые права человека.

То, что имеет место сейчас у нас в России, — это некая смесь худших черт советского периода и худших черт западной демократии.

В свое время на Западе были две теории конвергенции, то есть сближения западной и советской систем. Одна теория была положительного сближения: взять положительное от западной и от советской системы. Другая теория — негативная. И вот на самом деле реализуется именно вторая! Усваиваются худшие черты Запада и худшие черты советской системы.

Я вернулся, питая какие-то иллюзии, что буду иметь возможность воспользоваться хотя бы элементами демократии западного типа. Ничего подобного. Я вижу теперь, что вернулся в значительно ухудшенный советский период. Потому что, несмотря ни на что, советская государственная система была нормальная система. Плохая ли она была с какой-то точки зрения, жестокая, но она работала. А та политическая система, которая сейчас существует, — это имитация государственности!

Вот я сейчас стою перед такой проблемой: а что, собственно, делать в этой ситуации? Вы представьте себе, что я в таком возрасте, прожив уже жизнь, и человек, переживающий то, что происходит с моим народом. Что можно сделать?

В.К. *Какое же вы принимаете решение?*

А.З. Я обращаюсь к моим соотечественникам, много выступаю. Мне задают вопросы, и я слышу: «То, что вы говори-

те, правильно. А что же делать?» В ответ вот что я могу вам сказать: «Действуйте, действуйте! Проявите свое отношение и к этой ситуации (я имею в виду эпизод со мной), восставайте против нее».

А ведь смотрите, что получается. Я являюсь советником в Комитете по правам человека. В отношении сотрудника этого Комитета совершается беззаконие, то есть по существу нарушены права человека в отношении меня. И Комитет ничего не делает. В частных разговорах все возмущаются, но и только.

В.К. *Это ситуация равнодушия, безразличия, которая вокруг создается. Она тоже символична и показательна в нынешних наших условиях. Пресса ведь тоже молчит.*

А.З. Да, и пресса молчит, и все делают вид, как будто ничего не произошло. А представьте, на моем месте был бы кто-нибудь другой...

В.К. *Какой-нибудь Явлинский, например.*

А.З. Что вы, была бы шумиха на весь мир! А поскольку-де это происходит с Зиновьевым — гробовое молчание. Это самая эффективная форма борьбы. Вот так оно и получилось, вот так и прошляпили то, что мы имели. С одной стороны — предательство, с другой — равнодушие. Потом эти трусы, холуи...

В.К. *Александр Александрович, а вот если говорить действительно о возрождении, о каком-то реальном восстановлении страны, то, наверное, надо начинать с этого. То есть преодолеть равнодушие, которое овладело очень многими!*

А.З. Именно так. Начинайте, действуйте! Я привел вам пример, и, как говорит древняя поговорка: «Здесь Родос, здесь прыгай». Что вы думаете, если бы Зиновьев пришел в Думу, он пришел бы туда, чтобы одобрять дурацкие и предательские действия высшего руководства? Нет! Я бы остался тем, кем был. И первым делом стал бы настаивать на том, и сейчас на этом буду настаивать, чтобы ликвидировать действующую Конституцию. Надо выработать новую Конституцию, устроить референдум и на основе новой Конституции сформировать власть. Причем это надо делать явочным порядком, так как власть не способна выработать нормальную Конституцию.

В.К. *Что означает «явочным порядком»?*

А.З. Энтузиасты, вроде меня, и многие другие, которые обеспокоены судьбами страны, должны взяться за это.

В.К. *Общественные силы?*

А.З. Да, в конце концов, эту проблему должна решать общественность. На политической арене России есть много умных, порядочных людей, и я их знаю. Они бы приняли участие в этом. Могу назвать таких, как Николай Иванович Рыжков, тот же Сергей Николаевич Бабурин...

В.К. *Геннадий Андреевич Зюганов?*

А.З. Я не являюсь членом КПРФ, но лично знаком с Геннадием Андреевичем и отношусь к нему с величайшим уважением. Это один из лучших представителей политической элиты.

Я не человек партии, я беспартийный человек. Можно сказать, принадлежу к партии, которую называю партией друзей России. Может быть, потому ко мне и тянутся люди такого рода из различных лагерей.

В.К. *Вот это для объединения патриотических сил очень важно.*

А.З. Я прожил длинную жизнь, являюсь теоретиком, и первое, с чего мог бы начать функционировать как депутат Думы, — это стать экспертом по западному обществу и коммунистическому. Пригодятся моя история, знания, опыт.

В.К. *Александр Александрович, о нашей нынешней демократии что еще вы могли бы сказать? Какие у вас наблюдения? Кому такая демократия нужна и кому выгодна?*

А.З. Я не считаю эту систему демократией. Это не есть демократия. Это социальная система, для которой нет даже подходящего названия. Реальная западная демократия не имеет с этим ничего общего. Реальная западная демократия в двух словах означает следующее. Есть основа власти — недемократическая. И на этой основе возникает очень тонкий слой того, что называют демократией. Этот тонкий слой означает, как я уже сказал, многопартийность, гласность, публичность работы органов, выборность...

Причем многопартийность — это обычно две-три партии. А что происходит у нас? Карикатура! Весь мир хохочет.

Теперь о том, как функционирует эта власть. Парламент у нас фактически ведь не имеет никакой власти. А правительство? Что это за правительство, если президент в любую минуту может прогнать премьер-министра? Вот сейчас он клянется, что Путина не прогонит. Но разве есть гарантия, что завтра президент не прогонит его? Нет такой гарантии. А как может работать глава правительства без уверенности в том, что он задуманное доведет до конца? Вот, скажем, я считаю, линия Путина на разрешение чеченского конфликта абсолютно правильная. И наиболее разумная. Но есть гарантия, что ее не сорвут? Ее могут сорвать, а потом свалить вину на того же Путина. И вся пропаганда начнет работать против него и будет поливать его грязью. Как только какой-нибудь российский общественный деятель начинает делать что-либо серьезное и разумное, на него сразу начинают выливать всяческие помои. В этом смысле та дискредитация, которая развернулась в отношении Лужкова, просто возмутительна.

В.К. *Вы смотрите телевизор? Смотрите Первый канал — канал Березовского?*

А.З. Эти четыре месяца здесь я в основном тем и занимаюсь, что смотрю телевизор, читаю газеты, встречаюсь с людьми, разговариваю.

В.К. *А вот тот факт, что вместо определенного количества подписей кандидат может вносить деньги, то есть денежный залог, разве не интересен? Заплатил деньги — и все. Понятно же, кроме всего прочего, что заплатить может лишь тот, у кого такие деньги есть. Вас это не удивляет?*

А.З. Меня это не удивляет, поскольку я вижу, что существующая система в целом такая. И согласно этой системе оказывается: я — преступник. Можете себе представить подобную нелепость?

В.К. *Что еще из волнующего вас хотели бы сказать?*

А.З. Хочу, чтобы мои читатели и слушатели знали следующее. Я не апологет коммунизма, но и не антикоммунист. Я не апологет советизма, но и не антисоветчик. Просто я рус-

ский человек, выросший в советских условиях. Я советский человек.

В.К. *Недавно вышедшая в издательстве «Центрполиграф» ваша книга «Русская судьба. Исповедь отщепенца» говорит именно об этом. Должен сказать, что это автобиографическое повествование очень интересно во многих отношениях!*

А.З. Меня выбросили из России против моей воли. Это было большое наказание. Считайте, что я прожил почти как в одиночном заточении 21 год. Возвращался в Россию с заветной мечтой — быть полезным моему народу. Мне хотелось и хочется по мере сил способствовать разделению мыслящих людей моей страны совсем в другом разрезе, чем это представляется сегодня.

В.К. *В каком смысле «разделение»?*

А.З. Разделение, размежевание. Я сейчас скажу, в каком смысле. На самом деле в России происходит разделение не только и часто даже не столько по партиям, а внутри всех этих партий, даже не между людьми, а внутри самих этих людей, в душах. Разделение такое: на людей деструктивных, то есть разрушающих Россию, способствующих ее разрушению, и конструктивных, которые способствуют сохранению России, ее возрождению. Вот две основные партии, которые на самом деле борются и действуют в России!

Я рассчитывал делать все, чтобы люди, искренне переживающие и радеющие за Россию, объединялись. Все такие люди! Это же самое собирался делать, если бы произошло чудо и я бы стал депутатом Думы.

В.К. *Может быть, в этом есть идеализм, Александр Александрович, но хороший идеализм, в высоком смысле этого слова. Русскому человеку вообще свойствен идеализм. А сейчас наше общество лишено не только идеологии, но и идеалов.*

А.З. Конечно, полностью согласен. Признаю, что это идеализм. Я как ученый могу разгромить такую позицию. В данном случае играет роль не моя позиция как ученого, а моя позиция как русского человека.

Я еще до войны был антисталинистом, членом террористической группы, собиравшейся убить Сталина. Но во время войны готов был пожертвовать жизнью, защитить, прикрыть своим телом Верховного Главнокомандующего.

Вот и сейчас идет война. Не на живот, а на смерть, как говорится. Война против России и за Россию. Наши враги хотят уничтожить ее! И я человека, который вместе со мной будет сражаться за Россию, грудью ее защищать, не стану спрашивать, кто он — верующий или неверующий, коммунист или не коммунист, демократ или не демократ, — меня это в данном случае не интересует. Важно то, в кого он стреляет и с кем рядом он стреляет, как он себя ведет.

Сейчас Россия вступила в такую фазу, когда это именно должно быть главным. Я встречаюсь с людьми и разговариваю с ними исходя именно из этого. Вижу, что всю эту массу людей, очень многих во всяком случае, можно объединить в единую армию.

В.К. *В этот роковой час, когда Россия переживает величайшую трагедию... Вы согласны с этим?*

А.З. Да, да, да! Вот сейчас вся эта предвыборная кампания — это атака. И мы идем в атаку. Кто рядом с нами, с кем и против кого, против чего человек идет в атаку — вот в чем главная проблема...

«Советская Россия», 25 ноября 1999 г.